

ПРОБЛЕМА СТАТУСА ЭТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ В РАКУРСЕ АНАЛИТИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ

Анализируется эволюция аналитической философии в проекции философии этики. Рассматривается современная версия аналитического движения, показывается ее роль для развития философского знания.

The article is devoted to the analysis of analytical philosophy in the view of philosophy of ethics. It also demonstrates the role of its modern version for the development of philosophical knowledge.

Реконструируя картину исторического развития аналитической философии, необходимо отметить тенденцию ее превращения из специфически англо-американской исследовательской традиции в более широкое по своему социогуманитарному статусу направление философской мысли. За последние пятьдесят лет в рамках данной философии происходит не только ее расширение в географическом отношении, но и стремительное изменение тематико-содержательной области философствования. Для современных аналитических школ по-прежнему характерны акцентированное внимание к проблемам языка, приверженность к определенным методологическим стандартам. Однако наряду с этим явно ощущается и стремление к выработке адекватных оценок в отношении классических образцов самой аналитической философии и разрешении спорных вопросов, возникших из-за стремления принципиально локализовать сферу метафизической проблематики.

К концу XX в. аналитическое движение репрезентировало возможность преемственности наследия фундаментальных философских дисциплин, что отражено во включении в исследовательскую область данного направления проблем онтологии, теории познания, методологии, философии сознания, этики, философии искусства, социальной философии и др. «В центре внимания оказывается способность аналитической философии гибко и непредвзято рассматривать фундаментальные проблемы, в какой бы области научного, обыденного или философского знания они не возникали»¹. Все это выражается в целом корпусе по-новому осмысленных и переформулированных проблем, в формировании новых методов и подходов, выработанных благодаря богатой практике взаимодействия со смежными областями как социогуманитарного, так и естественнонаучного познания, и, безусловно, в четкой фиксации приоритетных путей дальнейшего развития.

Одним из магистральных векторов развития современного аналитического философствования является круг этических проблем. Долгое время, оставаясь темой, не включенной в сферу системного рассмотрения, этическая проблематика представляла собой одну из ключевых тенденций современных аналитических исследований. В современной философской литературе термин «аналитическая этика», или «метаэтика», употребляется в достаточно широком смысле, целью которого является стремление обозначить целый спектр разнообразных этических теорий, характеризующихся принадлежностью к аналитическому стилю мышления. Развиваясь в не-

драх аналитической философии, теории метаэтики направлены на реализацию возможности логической прозрачности рассуждений, детальный анализ ключевых понятий этического знания и полный отказ от так называемых метафизических построений. Задача, формулируемая аналитической этикой, сводится к анализу языка морали, что осуществляется при помощи методов, наработанных в области собственно аналитической философии.

Рассмотрев основные этапы развития аналитической философии, можно связать момент возникновения проблем этического толка с деятельностью Джорджа Мура (20–30-е гг. XX в.), которого, как правило, называют основателем метаэтики. Проанализировав традиционно-метафизический каркас классических направлений этического знания, Мур приходит к выводу о необходимости переосмысления задач и путей его развития. Несостоятельность натуралистической этики определяется им как неспособность решения основополагающих вопросов относительно того, что есть добро, благо, счастье, идеал, ошибочность же признается стремление к четкой дефиниции этических ценностей и полная несообразность определяемого и определяющего понятий.

Пытаясь вывести этическое знание на качественно иной уровень, Мур подверг логическому анализу важнейшие этические понятия, в частности категорию «добро». При этом он доказал, что попытка наделения этических категорий естественными качествами ведет к логической ошибке. Объяснение данного вывода сводится к тому, что «долг», безусловно, есть «добро», но «добро» не может однозначно отождествляться с «долгом». В итоге Мур формулирует одно из важнейших свойств «добра»: невозможность разделения его на части, любая этическая ценность есть то целое, которое невозможно описать через описание его составных частей. В принципе человек не нуждается в наличии подобных описаний и определений. По мнению Мура, все понятия этики так же просты, как и понятия повседневности, – объяснять их нет надобности, человек интуитивно знает, что есть добро. Нередко, сравнивая понятие «добро» с понятием «желтое», мыслитель говорил, что бессмысленно объяснять человеку, что есть «желтое», если он не знаком с этим понятием, «у нас нет средств для объяснения того, чем является желтизна, также мы не можем объяснить, что есть добро»². Совершая подобные ошибки, натуралистическая этика попадала в западню логических тупиков, что, собственно говоря, и стало основной причиной застойных явле-

ний в этическом знании. Стратегия Мура выстраивалась главным образом на ясности и простоте аргументации, имела четкую ориентацию на выявление интуитивной и единственно верной истины. И хотя результаты исследования, проведенного Муром, обнажили не только очевидность «натуралистической ошибки», но и бессмысленность продолжения чисто теоретических конструирований в рамках этического знания, что ознаменовало собой неутешительный итог всей классической этики, все же основным позитивным моментом стало появление импульса к дальнейшему развитию и осознание необходимости перевода этической теории на качественно иной уровень исследования: переход от логических рассуждений к эмпирике.

Анализ эмпирических фактов начался с рассмотрения явлений из области социологии и психологии морали. Знаковым явлением данного этапа развития аналитической этики является возникновение особой формы восприятия этической реальности – эмотивизма, одним из основных сторонников которого являлся Альфред Айер. Основываясь и развивая позицию эмотивизма, Айер заключил, что главной функцией ценностных высказываний является выражение эмоций говорящего и «заражение» ими других людей. Высказывания подобного рода – эмоционально окрашенные – необычайно важны, поскольку содержат в себе информацию не только о внешнем мире, но и о мире внутреннем, т. е. о мотивах, стимулах и прочих ментальных состояниях субъекта. По мнению сторонников эмотивизма, оценка не подлежит обоснованию через какой-либо факт, она есть феномен самоочевидности. Поэтому абсолютно все этические разногласия и моралистские споры являются собой полную абсурдность и бессмысленность. В дальнейшем концепция «радикального эмотивизма» Айера была значительно смягчена. Уже Ч. Стивенсон при рассмотрении этических разногласий ссылался на различную информированность оппонентов о ситуации и предмете оценки. Также в качестве смягчающих факторов выступали различные мировоззренческие установки, различное понимание основ человеческого мироустройства и т. д. Хотя в одном эмотивисты всех поколений оставались единодушны: если проблема основывается на разногласии в понимании фундаментальных принципов морали, то ее устранение невозможно ни при каких обстоятельствах, поскольку ценностные принципы не поддаются ни эмпирическому, ни рациональному доказательству. Все же нельзя не сказать, что эмотивизму не удалось избежать противоречий. «Если, например, верно, что моральные суждения – инструменты социального контроля и модификации поведения, то выясняется, что эмотивизму не удалось указать отличительную характеристику морального дискурса. Ведь и объявления, и телевизионная пропаганда, и политические дебаты, обладая эффектом промывки мозгов, меняют наше поведение. Наконец, совсем не обязатель-

но, что цель морального дискурса – всегда только изменять поведение»³. Хотя в рамках эмотивизма и не удалось осуществить полноценный переход от теоретических исследований к практике, выраженной конкретными сферами жизнедеятельности человека, все же данный этап развития аналитической этики можно рассматривать как своеобразный «мостик», перекинутый от метаэтики к прикладной этике. Этот этап продемонстрировал острую необходимость обретения этическим знанием его истинного предмета – человека, погруженного в повседневную жизнь, наполненную непредсказуемыми ситуациями и реальными моральными проблемами.

Возникновение прикладной этики явило собой закономерный результат процесса развития этической теории на протяжении всего XX в. Известно, что переход к прикладной этике осуществил Ричард Хэар, которого называют последним метаэтиком и первым английским прикладным этиком. Изначально Хэар являлся сторонником прескриптивизма, разделяющего с эмотивизмом идею о принципиальном различии ценности и факта. Суть моральных суждений сводится к их главному прескриптивному или же рекомендательному значению, хотя это и не отрицает содержания, содержащегося в них дескриптивного значения. Этот факт является решающим, по мнению Хэара, в отрицании возможности применения к моральным высказываниям критериев истинности-ложности. Мыслитель строит свою концепцию на выделении понятий: 1) фразтики (от греч. *phrazo* – указывать); 2) неустика (от греч. *peuo* – кивать, обещать). Определяя моральные нормы как предписания, Хэар говорит о возможности их сопоставления с описаниями в области фразтики, поскольку и те и другие говорят нечто кому-то. Отличие между моральными и неморальными нормами можно определить через отличие фразтики и неустики, прерогативой последней является возможность отдавать приказы. «Это различие фразтики и неустики дает возможность, с одной стороны, говорить о бессмыслице некоторых норм, с другой стороны, развивать логику морального дискурса на основе двух правил, – первое правило: а) никакое индикативное заключение нельзя вывести из набора посылок, если оно не дедуцировано надлежащим образом из простых индикативных суждений; б) никакое императивное заключение нельзя дедуцировать из набора посылок, не содержащих хотя бы одного императива. Второе правило: нет перехода от бытия к долженствованию или, иначе, от описаний к предписаниям, к правилам поведения. Простые императивы отличаются от моральных норм в силу своей обобщаемости. Например, императив «Выйди!» не подразумевает, что я в другой, возможно, аналогичной ситуации не мог бы сказать: «Не выходи!» Но суждение: «Ты должен вернуть деньги» – несет, по Хэару, эффект обобщения: если я обязую тебя в суждении, в твоём особом случае, значит, я обязую всех – включая, что важно, себя самого – в подобных

обстоятельствах действовать определенным образом»⁴. Хэар допускает, что частные моральные суждения могут обосновываться с помощью более общих моральных принципов и идеалов, но сами эти идеалы и принципы не могут быть обоснованы. В результате логика морального сознания остается невыясненной, что приводит к утверждению о том, что выбор моральной позиции является личным делом каждого и совершается произвольно, на основе индивидуальной склонности или предпочтения. Отсюда видна и резкая критика, предпринятая философом в отношении главного тезиса эмотивистов о том, что в ценностных положениях выражаются лишь чувственные установки субъекта. Хэар склонен приписывать моральным рассуждениям сугубо рациональный характер (он объясняет это наличием факта подчинения моральных высказываний правилам логики) и соответственно закреплять за разумом функции побудительного толчка. Это объясняет выбор правильного поступка на основе лишь имманентных конкретной жизненной ситуации фактов и предпосылок.

Однако прескриптивизм не дал возможности досконально изучить механизм возникновения этических ценностей в жизни человека и их влияние на жизнедеятельность субъекта. Осознав нехватку практических знаний, Хэар попытался приложить основное содержание этической теории к решению конкретных жизненных задач. Этические критерии при этом использовались мыслителем для решения проблем политики, экономики, градостроительства, медицины и бизнеса. Стремление отразить необходимость перехода к практическому разрешению различных моральных дилемм Хэар выразил в сборнике «Приложения моральной философии»⁵, где достаточно ясно обосновал важность введения этического знания в пространство реальных жизненных коллизий.

Результатом появления и бурного развития прикладной этики стало стремление адекватно оценить ее роль в современной культуре и социальной жизни. Переосмыслению подверглись не только основные этические нормы и идеалы, но и новый статус исследователя, целью которого стала экспертиза правомерности той или иной деятельности в различных сферах социума. Необходимо отметить и то, что проблеме составляет не только определение предметного поля прикладной этики, но и определение самого этого понятия и причин его возникновения. Безусловно, в настоящее время прикладная этика может рассматриваться как отдельная и самостоятельная область знания. Причины для такого понимания состоят главным образом в механизмах объективации норм и регулятивов практической этики. Это в первую очередь выражается в работе с материалом других дисциплин, т. е. здесь мы видим не просто накладывание проблемной области одного вида знания на другой вид, а скорее процесс их слияния, в результате чего и возникает качественно иное понимание проблем морали, новый подход к интерпретации этиче-

ской теории и ее регулятивно-методологического потенциала. Что касается основной причины возникновения подобного вида знания, то наиболее распространенной версией ее объяснения является рассмотрение прикладной этики как ответной реакции на процесс гуманизации социального пространства в условиях интенсивного научно-технического развития. Д. Джеймсон, например, связывает возникновение данной области этического знания исключительно с достижениями научно-технического прогресса, прикладная этика рассматривается им как обычная этическая теория, прошедшая апробацию на практике. Схожую позицию представляет и Дж. Никел, объясняющий возникновение прикладной этики феноменом новейших технологий и порождаемых ими проблемами⁶. Возникновение и бурное развитие прикладной этики заставляет нас критически оценить наличный уровень философской и этической теории, по-новому взглянуть на такие фундаментальные понятия, как жизнь, смерть, право, справедливость и др.

Интересным остается и тот факт, что к концу XX в. наиболее быстро стала развиваться биоэтика, представляющая собой абсолютно новое направление в области сближения ценностной сферы сознания и медицины, рассматривающее проблемы, с которыми человечество не сталкивалось никогда ранее: клонирование, биологическое оружие, суррогатное материнство и др. Действительно, в настоящее время биомедицинские технологии достигли такого уровня развития, что, например, в искусственно созданных условиях можно достаточно долго поддерживать жизнеобеспечение человека, ранее обреченного на смерть. Однако даже при таком высоком уровне развития медицинской техники остается множество нерешенных моральных проблем, чем в принципе и объясняется нарастающий интерес к проблемам современной этики. Стоит признать, что не только медицина апеллирует к этическому знанию. Все чаще мы сталкиваемся с требованиями общественности организовать этический контроль над рекламой, бизнесом, политикой или образованием. Практически в каждой области знания появилось понятие этической ответственности, призванное осуществлять роль своеобразного критерия правомерности и дозволенности в отношении совершаемой деятельности.

Таким образом, представленный выше анализ динамики этических исследований в аналитической философии убедительно подтверждает тот факт, что в современной социокультурной ситуации тенденция акцентированной прагматизации этического знания является весьма востребованной. Осваивая все новые сферы человеческой жизнедеятельности, прикладная этика подвергается значительным и интенсивным изменениям. Уже сегодня можно сказать, что область этической теории перманентно расширяется, ее проблемное поле становится все более объемным и скоррелированным с различными сегментами жизни общества. В рамках классической

этики нравственные нормы интерпретировались как уникальный способ регуляции человеческого поведения в его локальных проекциях. Сегодня же этика и ее императивы отчетливо приобретают глобальный смысл и опосредованно влияют на выбор стратегических приоритетов развития. Осознание данного обстоятельства должно привести к новому нравственному сознанию, в основе которого будет понятие не только личной, но и коллективной ответственности. Поскольку такая ответственность является по существу глобальной, она должна базироваться на стремлении оберегать жизнь во всех ее смыслах и значениях.

На современном этапе развития аналитической философии весьма востребован анализ мировоззренческих и этических проблем современного общества. При этом исследователи-аналитики, занимающиеся разработкой области прикладной этики, используют знания из различных научных областей и различных формообразований культуры. Растет значимость и признание

результатов междисциплинарных исследований, которые позволяют философам-аналитикам не декларировать, а всесторонне обосновывать кардинально новый статус и социокультурные функции этического знания.

¹ Грязнов А. Ф. Аналитическая философия. М., 2006. С. 330.

² Мур Дж. Принципы этики // Мур Дж. Природа моральной философии. М., 1989. С. 50.

³ Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней: В 4 т. Т. 4. От романтизма до наших дней. СПб., 1997. С. 482.

⁴ Там же.

⁵ См.: Hare R. M. Applications of Moral Philosophy. Cambridge, 1972.

⁶ См.: Demarco I., Fox R. M. New Directions in Ethics: A Text of readings. 3 ed. Wadsworth, 1989.

Поступила в редакцию 12.12.07.

Анастасия Сергеевна Свирид – аспирант кафедры философии и методологии науки. Научный руководитель – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и методологии науки А.И. Зеленков.